ВИРТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ*

А. М. Положенцев

В статье будут обозначены основные философские моменты, связанные с онтологией социальных практик дискурсивных сообществ. Термин виртуальное в античности имел преимущественно политическое и этическое значение. В статье дается краткий абрис метафизики виртуальности, особенности ее объектов, субъектов и связей между вторыми и первыми. Затем рассматривается вопрос об особенностях применения этого инструмента в конструировании социальной реальности. Виртуальность задает особое социальное пространство, которое начинает подменять собою сферу социальной активности. В качестве заключения рассматривается ряд вопросов этического порядка. Это проблемы ответственности, нравственной адекватности субъектов виртуальной реальности, наличия «доброй воли» и самой основной проблемы – самосознания, трансцендентального тождества субъекта виртуального действия.

В статье будут обозначены основные философские моменты, связанные с онтологией социальных практик сетевых сообществ.

В первую очередь рассмотрим проблематику концепта виртуальности, того поля, в котором разворачивается новый (в техническом плане) тип социальных практик, с историко-философской стороны. Это как раз тот случай, когда идея, метафизическая конструкция нашла, пусть и спустя две с половиной тысячи лет, свое воплощение. Мир идей, подлинных истин стал строительным материалом для новой реальности, удовлетворительного метафизического объяснения которой

* Исследование выполняется в рамках проекта РГНФ № 12-03-00420 «Социально-этический анализ легитимации ценностей дискурсивных сообществ современной России».

пока, кстати, не дано¹. Стоит сразу обозначить один важный момент: рассматриваемый нами проект, родоначальниками которого можно считать Пифагора, Фалеса, Платона, первоначально замышлялся не как проект метафизический, технический или строго научный. В наше время именно технократическое крыло имеет контроль над его развитием. Но при основании, для Пифагора или Платона этот проект был еще и этический и политический. И эти зачастую скрытые от нас цели продолжают управлять самим ходом этого проекта. И уж тем более определять его концептуальную составляющую.

Конечно, основу этого проекта составляет логос. Следует помнить, что логос не исключительно рассудочная категория, а разумная. Логос не ограничен только правилами мышления, наукой и теорией познания. Логос в первую очередь категория политическая. Само формирование нового критерия мысли, не отсылающего к авторитету мифа или власти, произошло на известном политическом поле, на агоре. Эта политическая печать лежит на всех логических категориях². Однако это не означает, что вместе с логосом мы попадаем в сферу социально-политического релятивизма. Напротив, Логос сразу заявил о себе как о самой настоящей, подлинной и безоговорочной истине, превосходящей по аподиктичности силу мифа, религии и политической власти. Один логос способен обосновать самого себя, не прибегая ни к каким внешним, гетерогенным основаниям. Логос основан на разумной истине, а не на произволе. Автономность этого знания хорошо подчеркивается теоремами Фалеса, обосновывающими банальные для здравого рассудка вещи, например то, что диаметр делит круг пополам, и т. п. Логос открывает новую форму гнозиса, отличную и от эмпирического знания, и от сакрального. Греки, кстати, подчеркивали это отличие, говоря о Зевсе, призываемом логосом. Но та же самая мысль о превосходстве логоса лежит в известном гераклитовском призыве сражаться

¹ Таратута Е. Е. *Философия виртуальной реальности*. СПб., 2007; Антонова О. А., Соловьев С. В. *Теория и практика виртуальной реальности: логико-философский анализ*. СПб., 2008.

² Положенцев А. *Власть и познание // Мысль*. № 1 (7). 2008. С. 136.

за попираемый закон как за стену полиса (44DK). В общем: логос есть не свойство человека, его природа, некая данность, а идея и социальный и даже космический проект, направленный не только на техническое преобразование природы, но и самого человека и его нравственной и социальной жизни. Логос делает из произвола разумную волю, которая должна прилагаться к социальному переустройству. О природе пусть заботятся другие разумные существа, боги и демоны, человек имеет свой собственный надел, полис, в котором должен торжествовать логос. То, что соответствует истине в логике, в полисе есть справедливость (Аристотель). Справедливость есть не царский указ и не божественная заповедь, а требование разума (логоса). Поэтому сфера политики и этики есть дело каждого свободного человека, хотя оно по достоинству и по степени наслаждения уступает жизни мудреца (теоретика). Древние государства представляли собой иерархические социально-сакральные конструкции (боги-цари-рабы). Ницше, например, пытался выстроить будущее Европы без логоса (воля-к-власти и есть проект подобной иерархии). Полис Аристотеля – сообщество друзей. Друзья требуют иных отношений, нежели подданные, рабы, семья и пр. Так возникает этика: нравственная жизнь (*practicē*) есть единственная универсальная цель для существа, обладающего разумом (*to logon ekhon*) (Arist. 1098a). По сути – логос, полис и этос – первая попытка в истории человечества обосноваться «здесь» (если угодно – Да), в «этом мире». Ближневосточные монархии, Египет обещали счастье «там», получение благ гарантировалось подчинением здесь. Свобода как бы обменивалась на посмертный рай. Для Аристотеля, напротив, полис есть место свободной самореализации человека, и подлинным образом природа разумного существа раскрывается в политической жизни. Она и является условием возможности жизни благой и счастливой. Сама нравственность не имеет дела с религиозными институтами, не является она и предметом заботы власти. Нравственность есть мера вменяемости свободного человека, свидетельство того, что он разумен, *to logon ekhon*. Саму идею полиса можно понять только как места счастья, самореализации и свободного существования человека. Это и

есть его высшая цель, а не служение богам, родине или какой-то еще сакральной идее. Сам логос здесь отнюдь не сакрален, а напротив, противопоставлен сакральному слову (мифу).

Таким образом, жизнь разумного существа разворачивается в плане нравов, которые исследует этика, опять же, не в теоретическом и познавательном смысле, а в практическом. Мы изучаем добродетель не для того, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы быть добродетельными. Здесь, в недрах этики и возникает идея виртуальности. Основные коннотации термина «виртуальное» – как обыденной речи, так и ученого языка – связаны с кругом значений «возможное», «потенциальное», «воображаемое», и через этот круг приводят в сферу производства и различного рода условностей, определенных человеческими способностями и действиями, прагматики, одним словом. Такой ход оказался возможным благодаря определенным метафизическим усилиям со стороны средневековых реалистов (Ф. Аквинский), но изначально *virtus* принадлежал к сфере практической философии (то есть к этике). Именно этим словом переводится греческое *ἀρετή*, которое – по более поздним соображениям – переводилось на русский словом «добродетель» (евпраксия). Греческое *ἀρετή* есть категория, в первую очередь, онтологическая, а не нравственная. Напомним основные значения этого слова: *доблесть, храбрость, мужество, сила, мощь, превосходные качества, плодородие, пригодность, красота, великолепие, благородство, величие, славные деяния, подвиги, высокое мастерство, умение, искусство, слава и заслуга*. И только со ссылкой на Платона появляется значение *добродетель*³. В античных концепциях, в первую очередь у Платона, *ἀρετή* есть не поступок, имеющий целью благо другого человека или направленный на самого себя как на нравственную личность (имеющую нравственные принципы, например, и соблюдающую их ради того, чтобы быть достойным человеком). Добродетель есть в первую очередь совершенство. Вообще античная онтология есть онтология вещей конечных и

³ Древнегреческо-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1. С. 231 и сл.

совершенных. Новоевропейская онтология есть онтология бесконечного стремления к совершенству. Сенека скажет, что невозможно стремиться быть честным человеком, можно быть либо честным, либо подлецом. Мы же скажем, что мы лишь стремимся к совершенству, что мы, например, сегодня солгали уже меньшее количество раз, чем вчера, и потому стали лучше. С точки зрения стоика я лжец, а с позиции современной морали – обычный парень, которому можно доверять. Онтология бесконечности, по-видимому, является своеобразной христианской прививкой к античной метафизике. Она формируется под воздействием идеи абсолютно бесконечного и абсолютно трансцендентного Бога⁴. Для античности же само понятие цели (телос) содержит значения совершенства и завершения. Совершенная вещь – законченная, в нее ничего нельзя добавлять. Попытка доделать законченную вещь приводит лишь к ее уничтожению. Но совершенен сам античный космос: его нельзя доделывать, изменять. Нельзя экспериментировать. Он совершенен, и прибавлять к совершенству так же нельзя ничего, как и отнимать. Совершенная вещь в любом случае перестанет быть совершенной, если в ней что-либо изменить. В этом, хотя и не только в этом, одна из причин того, что греческая наука «не знала эксперимента». Эксперимент, метафизика эксперимента подразумевает наличие объекта, материала, подлежащего переделке. Космос как творение божественного мастера запрещен для эксперимента. В случае с «арете» же мы имеем подмену значений: совершенство было заменено на добродетель. Просто совершенный человек есть обязательно нравственный человек. Хороший кузнец – мастер своего дела. А кто хороший человек? В ком идея человечности выражена самым лучшим образом? В человеке нравственном. В свободном гражданине, для которого законы справедливости и есть законы города, исполнять которые он готов до самой смерти. Так следует понимать платоновские рассуждения Сократа о совершенной

⁴ Кожев А. Христианское происхождение науки // Кожев А. Атеизм и другие работы. М., 2006. С. 416–428; Коппе А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. М., 2001.

лошади, совершенном кувшине, совершенном глазе. Это не добродетельный глаз, а глаз, который хорошо видит. И не добродетельная лошадь, а лошадь, которая хорошо скачет. И не человек, который служит другим людям, делает добро, а тот, в ком человеческие совершенства представлены в самом полном виде. Аристотель (1098a5-15) говорит, что добродетельный человек соответствует назначению человека. Но добродетельный человек не тот, кто благ (εὖ) или добр (ἀγαθόν), а *превосходный, доброкачественный* человек (σπουδαῖον), подобно «изрядному» (пер. Н. В. Брагинской) кифаристу. В латыни мы встречаем уже более понятный нам термин: *виртуоз*. Поскольку именно *virtus* переводится греческое слово ἀρετή.

Позже эта идея несколько искажается в средневековой онтологии. Здесь виртуальное (совершенное) соотносится с категориями потенциального и возможного. Наше пространенное понимание виртуального сопряжено с этой схоластической идеей. Однако есть принципиальное отличие. Для схоластической онтологии потенциальное противостоит актуальному, но не тождественно виртуальному. Виртуальное бытие есть бытие божественное. Виртуальное потенциально, так как не может стать актуальным, оно принадлежит миру совершенств. Оно трансцендентно бытию индивидуальностей (пресловутые «лошадность» или «треугольность»), но это бытие отнюдь не воображаемое. Напротив, это подлинное бытие. Лошадь погибает, а лошадность вечна: то есть виртуальна, самоидентифицируема и пр. Виртуальным бытием в первую очередь обладают математические объекты. Двоицу никто не видел, но все ее могут мыслить независимо от своих индивидуальных и перцептивных особенностей. Наш же виртуальный мир уже не совершенный мир божественных универсалий, а мир воображения. Так мы уходим от этики в сторону психологии и возможности. Виртуальное – мир, где все возможно, где актуализируется потенциальное. У схоластов термины виртуальное, актуальное и потенциальное находятся в сложных связях, которые мы здесь анализировать не станем, лишь отметим, что виртуальное здесь относилось к реальному как сверх-реальное, а не потенциальное или возможное. Виртуальное – это мир

божественных совершенств, которые актуализируются в реальном, как в недоразвитом состоянии.

Следует отметить еще один средневековый элемент, относящийся к нашему вопросу: строительство града небесного. Он не создан, а создается нашими достойными (виртуальными) поступками, нашим нравственным образом жизни (св. Августин). Материя виртуального мира (града небесного) – благие поступки и мысли. Это совершенный мир, созданный из совершенной материи. И еще пару слов о характере этой материи. Совершенство, логос, полис и наука как метод имеют, по крайней мере в своем историческом истоке, одну и ту же форму. Если кратко, то речь идет об объективной субъективности. Идея, логос, политический закон и нравственное совершенство по форме идеальны, но не эфемерны, не фантастичны, не изменчивы. И потому обладают более совершенной формой бытия, нежели эмпирические или предметы воображения.

Таким образом, этическая концепция оказывается основанием концепции онтологической. Субъективность, воплощенная в *virtus*, лишь создает иллюзию отчужденной субъективности мышления. В ней как раз этой субъективности нет. Это субъективность виртуальная, т. е. субъективность *должного*, ставшего сущим. Виртуальная субъективность оказывается выстроенной именно по кантовской модели чистого разума: она конституирует эмпирическую субстанцию, и она же использует и задействует механизмы трансцендентальной эстетики, аналитики и иллюзорности для апперцепции этой субстанции, создавая одновременно с ней и трансцендентальный интерфейс, который оказывается тождественным своей собственной материи.

Следующий момент касается особенностей применения этого инструмента (технологии виртуальности) в социальной реальности. Помимо очевидных сдвигов в сфере социальной онтологии, виртуальность задает особое социальное пространство, которое начинает подменять собою сферу социальной активности. Социальные действия переносятся в виртуальное пространство, и оценка такого перемещения не может быть однозначной. Но, помимо этого момента, здесь

начинает формироваться замкнутая на себя, не имеющая выхода в реальность (off-line) социальная активность. А само социальное пространство санируется от последствий подобного рода социальных действий.

Основной проблемой политической жизни является то, что в данной ситуации отчетливо просматривается условность политических границ. Если особо ценные события происходят теперь в отдельной реальности, то встает вопрос о контроле над нею. И этот контроль уже не может осуществляться исключительно путем контроля над производством и распространением технических средств, необходимых для производства этой реальности. Но есть и другая сторона этой проблемы: сами органы контроля должны использовать этот инструмент как средство контроля. Таким образом, региональные власти находятся в зависимости от технологических источников средств контроля. Так же эта проблема имеет еще целый ряд вопросов политического и правового порядков.

И наконец, возникает ряд вопросов этического порядка, не только вопросы теоретические, о взаимовлиянии этики и онтологии, но и из области морали и права. Это проблемы ответственности, нравственной адекватности субъектов виртуальной реальности, наличия «доброй воли» и самой основной проблемы – самосознания, трансцендентального тождества субъекта виртуального действия.

Проблема требует прояснения множества чисто метафизических вопросов. Один из них касается единства самосознания и трансцендентального единства апперцепции. Чьими усилиями создается виртуальный мир и какие существа его населяют? Какова их особенность? Как они устроены? Социальная сеть становится субъектом социальной жизни во всех ее нюансах, однако непонятно, с кем мы имеем в ней дело, да и не ясно, кем в данном случае являемся мы сами? Как мы осуществляем *сogito* в данной ситуации? Чему равно мое Я, когда оно пристроено к умной машине? Какими инстанциями осуществляется трансцендентальный и юридический контроль над процессом создания этих субъектов (аккаунтов)? Каковы их возможности и полномочия? И какое сообщество получается в итоге этих действий? Второй составляющей уравнения

Я = x выступает мой компьютер, окно в виртуальную реальность. Сам он, кстати, берет на себя функции волшебного предмета. Он и всевидящее око, и всезнающая книга. Мы имеем эмпирическую иллюстрацию вещи-в-себе. Виртуальная вещь, если следовать схоластической онтологии – это всякая возможная вещь. Эта вещь является в некотором смысле – например, в семиотическом – творцом меня как субъекта. По той простой причине, что для формирования знаковой (порождающей) системы (сознания, интеллекта, языка и пр.) необходимо наличие двух знаковых систем. По поводу устройства такого механизма существует много смутных теорий (второй системой выступает то общество, то совесть, то внутренний голос, то Бог, то дьявол, то alter ego). В нашем же случае вся неопределенность, связанная с существованием второй знаковой системы, снимается. Наше самосознание встраивается в сеть и получает полноценное бытие, только будучи включенным в эту сеть. Точками соприкосновения с сетью – самим актом апперцепции, но также и нашими анкетными данными, финансовой историей, совокупностью аккаунтов – создается наше социальное (виртуальное) лицо. В таком положении дел существует немало плюсов. Наша виртуальная личность может выгодно отличаться от реальной. Мы можем самостоятельно и при помощи множества приложений ее менять в выгодную для себя сторону. Механика виртуального мира позволяет нам попасть в подлинное царство желаний. Здесь существо получает освобождение от законов механики эмпирического мира, но также и от множества условностей юридического, морального и социального порядков. Однако эта on-line-свобода покупается ценой еще большей несвободы и нереализованности личности в реальности (off-line). Универсальным Другим для такого существа становится сеть, он конструирует себя, оппозиционируясь к ней. Этот феномен описан как постсоциальная личность. Даже когда такой субъект вынужден общаться с другим (себе подобным), он вынужден прибегать к посредству сетевых коммуникаций. Все другие, незарегистрированные в сети субъекты, просто выпадают из сферы его возможного опыта. Но также выпадают из сферы доступных средств и все другие каналы общения.

Далее. Само поле, в котором актуализирована виртуальность (виртуальный мир) представляет довольно смутное в онтологическом плане образование. Оно не лишено собственной разумности, имеет свои интересы и цели и умеет (учится) их достигать. В некоторых практических вопросах оно автономно от своих создателей (автономность ей делегирована в заранее определенных масштабах, но без этой автономности она не будет работать). Об этом написано много фантастических страшилок, но именно здесь, а не в технической сфере существует множество рабочих программ, деятельность которых контролируется другими программами. Дело не в социальных страхах о восстании машин. Дело в том, что роботы берут на себя выполнение сложных и интеллектуальных задач, тогда как человеку (off-line-subjects) остается только «грязная» работа. Исполняется правило царя из «Федра» Платона: чем сильнее и умнее машины, тем слабее и глупее люди, этими машинами пользующиеся.

И последний момент, который здесь хотелось затронуть, это момент эсхатологический (но еще и номадический). Виртуальный мир – идеальное место во всех отношениях. Оно состоит из идеальной материи, его наполняют идеальные предметы и сущности, и он сам идеальное место для существования. И мы потихоньку в него переселяемся. Вначале мы завели в нем почту. Затем на эту почту стали приходиться сообщения из всех прочих «мест» данного мира. Из нее мы подтверждаем, что мы – это мы. Она играет роль нашего удостоверения личности. Это, если угодно, центр нашей личности, место, где подтверждается, сверяется «я=я». Хотя я и могу в любой момент изменить этот центр или иметь множество таких центров. Потом из этого мира стала приходиться наша зарплата, а известно, где «сокровище твое, там и сердце твое...» Затем мы стали здесь же ее и тратить. Теперь здесь и кинотеатр, и библиотека, и все-все-все. Вообще все. Все, что может быть. В подлинном смысле потенциальность. Но *virtus* означает еще и мир ценностей. Все, что имеет ценность для человечества, спешным образом оцифровывается и переносится в вечность. Ведь дигитальные объекты не портятся, их не разъедают ржа и тля. Перенеслись наши сбережения, му-

зеи, книги, симфонии, священные книги. Наши паспорта, отпечатки пальцев, кредитные истории. Можно узнать (а трансцендентальная субъективность и знает), где мы «были», что ели, пили, во что одевались, что читали, что смотрели и слушали. Наше эмпирическое «я» осталось здесь, но подлинная сущность уже там, вплелась в узор знаков. Будучи on-line я, всегда там, где мне нужно. Я в своем сообществе, у меня под рукой история моих блужданий в сети, мне в любой момент доступны мощнейшие поисковые системы, которые достанут нужный мне объект хоть из-под земли. Причем совершенно не важно, где именно и в каком состоянии нахожусь я сам, «мое тело»: важно, чтобы у меня был открыт канал связи.

Таким образом, мы видим, в каком неожиданном ракурсе для самих основателей заработали старые философские системы. Если в античных космологиях и онтологиях этика, логика и политика составляли в целом единый проект, то в новоевропейской конструкции произошло известное разделение регионов сущего (в первую очередь, на физику и метафизику, политика и этика же здесь вообще были выведены в сферу «духа»), которые теперь воссоединяются в сфере виртуального, взявшего на себя функции трансцендентальной субъективности, которая оказалась готовой решать вопросы метафизического, этического, экономического, да и религиозного порядков.